

ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ И ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ

ДРЕВНИЕ времена территорию, которую сегодня мы называем Русским Севером, населяли многочисленные *финно-угорские племена*. Что же это за этническая общность? Что нам известно о них? Финно-угорские народы (точнее, народы, говорящие на финно-угорских языках), согласно классификации историка Г. В. Вернадского, могут быть разделены на две главные ветви: угорскую и финно-пермскую. Венгерский, вогульский и остякский языки относятся к угорской ветви. Финно-пермская ветвь вклю-

чает в себя следующие три группы языков: 1) пермскую группу, к которой относятся удмуртский (вотякский) и коми (зырянский и пермский) языки; 2) восточную финскую группу — марийский (черемисский) и мордовский (эрзя и мокша) языки; 3) западную финскую группу, состоящую из карельского, эстонского и суоми (то есть собственно финского) языков¹. Предками этих народов и были племена, жившие в древности на территории нашего края.

В своей известной книге о Германии, написанной в 98 году нашей эры, римский историк Корнелий Тацит упоминает три племени, проживавших на территории "между германцами и сарматами". Это *певкины, венеды и фенны*. Тацитовских венедов многие историки отождествляют со славянами, а феннов — с финнами².

Поскольку финны на Севере Руси были аборигенами, а славяне — пришельцами, то последние подверглись значительному влиянию того народа, в чью страну они пришли. В антропологическом типе северных русских наблюдаются некоторые финские черты, возникшие от смешанных браков.

Вполне естественно, что многие названия местностей, рек и озер на Русском Севере имеют финское происхождение. Исследователь М. Фасмер составил впечатляющий список топонимов западнофинского происхождения на землях, составивших позднее территории Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний³.

Какими русскими письменными источниками мы рас-

¹ Вернадский Г. В. Древняя Русь... — С. 245.

² Тацит Корнелий. Малые произведения. — СПб., 1993. — Т. 2. — История. — С. 355—356.

³ Вернадский Г. В. Древняя Русь... — С. 247; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — В 4-х т. — М., 1987.

полагаем? В "Повести временных лет" при перечислении "всех язычей Иафетовой части" встречается упоминание о дорусском населении Заволочья: "меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра"¹... Следует заметить, что порядок перечисления четырех племен, названных вслед за "заволочьской чюдью", соответствует порядку их расселения с юго-запада на северо-восток, то есть несет и этнографическую информацию. Эта вставка была сделана около 1113 года при составлении первой редакции свода, причем сведения историко-этнографического характера, возможно, восходят к более раннему источнику.

Нас в данном случае интересует только легендарная "чудь заволочская". По своим антропологическим признакам чюдь не однородна: наряду с чюдью "белоглазой" фигурируют чюдь "черноглазая", "черноволосяя", "темнокожая" и "краснокожая"². Что это за народ, откуда пришло это название? Современник Ломоносова русский ученый-филолог и поэт Г. Тредиаковский считал, что "речение Чюдь, по знаменованию своему изрядно протолковано за сокращенное имя словенского слова Чюждь, знаменующее чужеземца"³.

Исследователь отечественной истории Ф. Н. Глинка считал, что "чудь" по-венгерски означает "чудо". Частица — "акъ" имеет значение множественного числа, поэтому слово "чудак" в переводе с венгерского — "чудеса"⁴.

¹ Список населенных мест Российской империи. — Т. 1. Архангельская губерния. — СПб., 1864. — С. 17.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991. — С. 15.

³ Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. — СПб., 1784. — С. 8.

⁴ Глинка Ф. Н. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под названием Ваги // Северный архив. — Петрозаводск, 1827. — № 9. — С. 5.

В словаре В. Даля зафиксировано функционирование слов "чудь", "чудак" в северорусских говорах как синонимов слов "странный", "чудаковатый", то есть идущий против обычаев русских. Даже в настоящее время в Архангельской области в качестве синонимов употребляются понятия "чудь", "чукча", "чуча", "чухарь". Однако происхождение этнонима "чудь" имеет куда более сложную историю. Слово это общеславянское и в значении "чужой" образовано от урвней основы *tjudy*, которая, в свою очередь, считается заимствованием из готского языка, где она значила просто "народ".

В этой связи вызывает интерес известие готского историка Иордана (VI в.) о покорении германцами племени в некоей местности *Aunxis*, в той же стране, где жили *vas* (весь), *megens* (меря), *mordens* (мордва). В исторической науке выдвинуто предположение, что речь идет о финноязычных племенах, расположенных от Волжско-Окского междуречья до Прибалтики¹. Историк Иордан повествует и о народности *Thiudos* (чудь — В. Б.) Известный этнолог Т. А. Бернштам на основе анализа этнонимических определителей и в сопоставлении с топонимическими данными делает весьма убедительное заключение о том, что чудь Иордана занимала область в южном Приладожье и Прионежье². Исторические судьбы древних жителей Русского Севера непосредственным образом связаны с процессом формирования севернорусского населения. О совместном проживании чуди и первых русских переселенцев свидетельствуют письменные источники, археологические находки, топонимика, фольклорные предания.

¹ Лашук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. — 1969. № 10. — С. 209; Иордан. О происхождении и деяниях гот. — М., 1960. — С. 89, 150.

² Бернштам Т. А. О роли верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV в.) // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л., 1973. — С. 9—10.

Прежде всего обратимся к немногочисленным письменным источникам. Как уже отмечалось, "Повесть временных лет" рассказывает о чуди и месте ее обитания. Русь и чудь — непосредственные соседи, но чудь, как "Ляхъве же и Пруси", больше тяготеет к Прибалтике: "Преседять к морю Варяжскому". Чудь прежде других племенных группировок подверглась варяжскому нашествию: "Имаху дань варязи из заморья на Чюди и на Словенах, на Мери и на Весехъ, и на Кривичехъ". Примечательно известие, относящееся к 1030 году, о том, что "иде Ярослав на Чюдь, и победи я, и постави град Юрьев" (то есть Тарту). В конце XII века "избища Пльсковичи Чюдь поморскую... около порога в озеро", — свидетельствует Новгородская первая летопись. Для первых русских летописцев чудь — это прежде всего финноязычное население, жившее между Чудским озером и Варяжским морем. Оно исторически явилось этнической основой эстонского народа. Но в Прибалтике обитали и другие родственные друг другу племена (ижора, водь), тоже, видимо, относимые к числу "чудских"¹.

Что касается термина "чудь", то, вероятно, русские летописцы не слишком вдавались в этнические различия финских племен и называли так довольно широкую и неопределенную их группу, куда входили и предки современных эстонцев, и так называемая "чудь заволочская". Сказания о чуди известны по всему Русскому Северу, о ней говорят русские, коми, карелы, саамы и ненцы.

Чудское население обитало и в новгородских пятинах. Однако, помимо прибалтийской чуди, "Повесть временных лет" называет только "заволочьскую чудь", которой в XII—XIII веках управляли "мужи новгородские". О

¹ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная... — С. 210.

давних и тесных связях говорит и то, что в самом Новгороде были Чудинцова улица и Чудинцовы ворота, часто встречалось имя Чудин¹.

Заволочская чужь занимала обширную территорию. Заволочье лежало к востоку от системы волоков, соединяющих бассейны рек Невы, Волги, Северной Двины и Онеги в районе Белого и Кубенского озер, куда впоследствии отправятся за данью русские князья и дружины. Ряд сопоставлений позволяет сделать вывод о том, что заволочская чужь, обитавшая в бассейне реки Ваги и в среднем течении Северной Двины, представляла собой финноязычное население, родственное белозерской веси и еми (ями), расселившейся к северу от Онежского озера до нижнего течения Северной Двины (в частности, по реке Емце)².

Ученый Л. Н. Гумилев выделяет "чужь белоглазую" в отдельное финское племя, за которым дальше жили зыряне, чужь заволочская и много других народов³.

В документах Господина Великого Новгорода можно прочесть и такие строчки: "тые земли на Пинезе, Кегролу, и Чаколу, и Пермьские, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Вью, и Суру Поганую поимали за себя наши братья ноугородци и вас к целованию привели на новугородское имя"⁴. Здесь речь идет об установлении даннической зависимости, а, возможно, и о крещении чуди в христианскую веру. Финно-угорское происхождение перечисленных названий

¹ Барсов Н. П. География начальной (несторовой) летописи. — Варшава, 1885. — С. 46.

² Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии "Заволочье" // Проблемы истории феодальной России. — Л., 1971. — С. 103—109.

³ Гумилев Л. Н. От Руси к России... — С. 154.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М—Л., 1949. — С. 154.

указывает на то, что первоначально это были чудские поселения. Примечательно, что "Сура Поганая" (то есть языческая), располагающаяся в среднем течении реки Пинеги, дольше других новгородских волостей была заселена "закоренелыми язычниками".

Архангельский историк В. В. Крестинин полагает, что "первое христианскою верою просвещение заволочской чуди произошло в XI веке"¹.

Существует много преданий о том, что чудь, не желая креститься и быть покоренной, шла на групповое самоубийство. Вот один из таких сюжетов: "В качестве последней защиты Чудь выкапывала ямы, укрывалась в них настилками на подпорах, и если, отбиваясь в этих ямах, видели они неминуемость поражения, то разрушали подпорки и гибли"². Версия о том, что "чудь живьем закопалась", представляет особый исторический интерес, и мы еще вернемся к ней.

Легенды о чуди известны и в селениях по реке Мезени. В одной из них рассказывается о том, что в низовья Мезени чудь спускалась с верховий, убегая "от православной веры". В другой легенде объясняется происхождение названия мезенской деревни Чучепалы: "Повыше деревни... по берегу реки Мезени, на высокой горе в лиственничных рощах, стоял некогда город, населенный чудью. Новгородцы, расселяясь по реке, выбрали и соседнее предгорье, как место удобное и картинное. Первые годы соседи жили в миру, да строптива была чудь и не угодила новгородской чести, не поддалась под новгородскую душу... Прямо против городка Чудского на реке Мезени прорубили они (новгородцы — В. Б.) лед поперек всей реки и сделали таким путем

¹ Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе... — С. 12.

² Случевский К. К. По Северо-Западу России. — СПб., 1897. — С. 167.

широкую поляну. И погнали они чудь из города в ту сторону, где лежала поляна; провалилась вся чудь от мала до велика, потонула... и прослыла деревушка Новгородская Чудьпалой за тем, что тут последняя чудь пала"¹.

Распространена здесь также легенда о богатствах чуди. Причем в нескольких деревнях указывали одно и то же место, где чудь спрятала свое богатство: на правом берегу Мезени, на высоком бору, примерно в 12 километрах ниже села Чернутьева. Жители мезенских сел указывают на два городища, основанных чудью: у сел Патраково и Чернутьево. Близ села Чернутьева на высоком холме на правом берегу Мезени при пахоте действительно находили остатки глинобитных печей, глиняную посуду, замок в виде конька и другие предметы.

До сих пор в мезенских селах встречаются, по мнению местных жителей, потомки чуди, носящие "чудские" фамилии.

Реальность существования чудского народа не подвергается сомнению. Легенды о чуди в сочетании с археологическими материалами являются важными источниками по этнической истории края².

Профессор Поморского университета Н. М. Терехин справедливо считает, что "цикл чудских преданий является универсальным этнологическим и историографическим мифом, с помощью которого все странное, чужое и неизвестное (начиная от человеческого характера и кончая археологическими и палеонтологическими древностями) получало свое объяснение и включалось в освоенный человеком пространственно-временной континуум"³.

¹ Максимов С. В. Год на Севере. — Архангельск, 1984. — С. 577.

² Савельева Э. А. Пермь вычегодская... — С. 15—16.

³ Терехин Н. М. Мифологическая история и социология крестьянского мира на Русском Севере // Семиотика культуры: Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара 18—28 сентября 1989 года. — Архангельск, 1989. — С. 61.

Много ценных сведений о заволочской чуди содержит житийная литература об основателях северных монастырей. Начиная с XIV века, монастыри активно участвуют в освоении Беломорского Севера, особенно заботясь об упрочении христианской веры среди населения края. Во времена миссионера Лазаря Муромского, "живущие тогда именовались около озера Онего Лопляне и Чудь, страшные сыродды близ места сего живяху", но постепенно "отыдоша от места сего в пределы океана-моря". В "Житии Кирилла Челмогорского", основавшего обитель к западу от города Каргополя, у большого Лекшмозера, сказано, что тут "бяху же еще не крещении живущие в окрестных местах, имяху чюдской язык и веру; еще бо в то время православие начинаше процветати в месте том... Но потом помале — вои чюдяне восприяша святое крещение"¹.

О том, что чудь, сохраняя свою самобытность, долго жила в бассейне средней Ваги, свидетельствует "Житие Варлаама Важского" (умер в 1467 году), составленное в конце XVI века. В беломорских грамотах содержатся данные об особом "чудском постое", который взимался властями с местного населения за проезд из охотничьих угодий чуди в Новые Холмогоры (Архангельск)².

Некоторую информацию о заволочской чуди можно почерпнуть из записок иностранных путешественников. Несколько слов о чуди сказано в рукописи Ричарда Джемса, датируемой 1618—1620 годами: "...чуди — народ около Колмограда издревле так называемый, который говорил на языке, отличном от самоедов и лопарей; они там больше не находятся"³.

¹ Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг. — Петрозаводск, 1869. — С. 6.

² Рябинин Е. А. Чудь заволочская // Природа. — 1993. — № 8. — С. 29.

³ Симони П. К. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финноугорских народностей. — Л., 1929. — Т. 1. — С. 126.

В XIV—XV веках чудских поселений в Заволочье сохранилось довольно много, располагались они по большей части вблизи глухих озер и мелких речушек, в то время как по важнейшим водным "улицам" Поморья: Северной Двине, Пинеге, Онеге и Ваге — широко разливались волны русской крестьянской и монастырской колонизации.

Историк С. Огородников замечает: "Даже при относительной достоверности исторических известий, так называемая "Заволоцкая чудь" положительно не составляла... отдельного самобытного племени и потому естественно, что чисто географическое название не может быть применимо определительно ни к одному из названных племен"¹.

Согласно преданиям, чудь представляла собой племенные объединения во главе с князьями-старейшинами. Она имела свои укрепленные городки и земельные владения, что говорит об оседлом характере жизни народа. Но некоторые источники содержат сведения и о том, что чудь кочевала².

Благодаря архангельским подвижникам-краеоведам сохранилось для истории немало преданий об аборигенах Поморского края. Так, верхнетоемский краевед Александр Александрович Тунгусов опубликовал в периодической печати много местных легенд. В одной из них говорится о том, что "выходцы жившей здесь чуди под влиянием прибывших в край новгородцев согласились на совершенную оседлость. И поныне существует деревня Чудиново на берегу Пинеге... У этой чуди имелись свои правители — князьки, и будто бы на горном холму при деревне Вахтинской находился княжеский дворец, а за рекой Выей — его земельные угодья, в числе коих и существует поле Княжево"³.

¹ Огородников С. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по "Книге Большого Чертежа" // Записки Русского Географического общества по отделению этнографии. — 1877. — Т. 7. — С. 10—11.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера... — С. 15.

³ Тунгусов А. Владения чудского князя на реке Вые // Заря. — 1971. — № 22. — 20 февр.

Вологодский краевед А. А. Угрюмов пишет о своем родном Тарногском районе, который находился в центре территории расселения древней заволочской чуди. В тарногских говорах и кокшеньгской ономастике (совокупности собственных имен) встречается много слов, заимствованных из чудских языков. Местный краевед отметил, что гнездовое расположение населенных пунктов — своеобразное наследие охотничье-рыболовного типа хозяйства чуди, жившей в прежние времена в бассейне реки Кокшеньги. Значительная часть деревень носит чудские названия: Ваймеж, Илеза, Лохта, Мадовицы, Пёлтасы, Поца, Тюреберь, Хавдевицы, Шупова¹. Результаты своих изысканий А. А. Угрюмов опубликовал в журнале "Север"².

Никоновская и Софийская летописи в XV веке еще официально различают "двинян и заволочан", подразумевая под первыми жителей русских двинских погостов, а под вторыми — остальное население Заволочья, в том числе и чудское. В позднем "Двинском летописце" есть запись: "Новопросвещенная же Заволоческая Чудь реки великая Двины, для того преименовавшаяся Двиняне"³.

Старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН Е. А. Рябинин также отмечает появление независимого и самостоятельного населения Заволочья, группы которого в летописях фигурируют как "двиняне", "важане", "пинегжане", "вычегжане" и другие. Это явление Е. А. Рябинин расценивает как результат "низовской" колонизации Подвинья и слияния местных чудских коллективов с неоднородными в эт-

¹ Угрюмов А. А. Финно-угорские заимствования в языке жителей Тарногского района Вологодской области // История и культура Важского края. — Вельск, 1992. — С. 48—51.

² Угрюмов А. А. Кокшеньга — край чуди заволочской // Север. — 1981. — № 4; 1993. — № 8.

³ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная... — С. 211.

ническом отношении — славяно-финскими — выходцами из поволжских областей¹.

Можно согласиться с мнением известного российского историка М. В. Витова, что ассимиляция значительной части чуди заволочской завершилась к XVI—XVII векам, "хотя отдельные островки этой загадочной этнической группы (которая, скорее всего, не была единой) сохранились до XIX века"².

Как происходило заселение Заволочья и как складывались отношения славян с аборигенами? Выслушаем мнение классиков отечественной истории С. М. Соловьева и О. В. Ключевского. Сергей Михайлович Соловьев считает, что между славянами и чудью не было враждебных столкновений, так как "легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было так много, по которой можно было так просторно расселиться без обиды друг другу... Все это происходило тихо, незаметно для истории, потому что здесь, собственно, было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежавшей³. Василий Осипович Ключевский обращает наше внимание на важную особенность менталитета первых насельников Северного края: "Самый характер финнов содействовал такому мирному сближению обеих сторон. Финны при первом своем появлении в европейской историографии отмечены были одной характерной чертой — миролюбием, даже робостью, забитостью"⁴.

¹ Рябинин Е. А. Чудь заволочская... — С. 29; Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). — Т. 3. — С. 73—74; Т. 4. — С. 49, 51; Т. 5. — С. 216; Т. 6. — С. 199.

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. — М., 1962. — С. 71—72.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 1. — С. 58.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1987. — Т. 1. — С. 297.

Новгородские славяне, продвигаясь на север, несли развитую земледельческую культуру, навыки строительства, охоты, рыболовства.

Вологодский историк Ю. С. Васильев, говоря о заволочской чуди, имеет в виду обитателей провинции Ваги. О том, какие племена составляли дорусское население этого края, можно высказываться лишь предположительно, основываясь на данных топонимики. По реке Ледь и, вероятно, к северу до реки Емцы расселялась емь (Вымская гора на реке Ледь. Тут же озеро Емзо). Южнее реки Ледь, возможно, обитала весь. Топонимы этого края: Волотовицы, Волотовицкий ручей, Перевеская, Ногавицевская, Долговицкий, Мадовицы (Мадовесь) — так же многозвучны, как и топонимы Белозерья: Череповесь, Луковесь, Весьегонск и другие, бесспорно, указывающие на связь с народом весью¹.

Однако, вопреки мнению С. М. Соловьева, процесс заселения края русскими проходил не столь идилически. Согласно народным преданиям Шенкурского района, чудь отчаянно защищала свою землю от вторжения новгородцев. На возвышенных местах возводились крепости для отражения натиска ушкуйников. Так, в Заостровском приходе в конце прошлого века место, где чудь, по преданию, защищалась от новгородцев, называлось чудским городком. Он стоял на высоком угоре, под которым с одной стороны текла река Ньюма, а с другой — глубокий ручей. Все это место было обнесено земляным валом. Как отмечалось в "Памятной книге Архангельской губернии за 1864 год", такая же крепость была построена и в Топецком приходе, на том самом месте, где стоит церковь. А когда не было сил противостоять отчаянным русским первопроходцам, чудь "за-

¹ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии "Заволчье"... — С. 108.

капывалась" в землю. В ямах по углам ставились столбики, на крыши накладывали камни, а когда приближались к этим жилищам русские колонизаторы, подставки подрубались и туземцы заживо хоронили себя¹. Легенд такого рода на Севере сохранилось множество. Так, согласно одной из них, "когда чудь по Тарноньской городок подходила, так копали канавы из Тарноги в Кокшеньгу и пускали воду: чудь воды боялась". А в Лимском приходе рассказывали о том, что "чудь нападала на здешние селения, грабила их, перебила много народу"².

В конце XVIII века академик П. Б. Иноходцев записал предание о "русско-чудских" войнах. Первые жители Каргопольского края были "погаными сыроядцами и белоглазой чудью, кои, приходя в пределы белозерские, делали великие опустошения... Жестокое сие иго терпели белозерцы, доколе не избавил их от оног князь Вячеслав. Собрав войско, обратил он все силы на отражение поганых от пределов своих и, проходя с большим трудом дремучие леса, топи и болота, прогнал чудь до берегов Белого моря"³.

Конечно, нередко случались вооруженные столкновения ушкуйников и чуди, однако они не определяли характер русской колонизации края, осуществлявшейся, в основном, вполне мирно.

Ни о каком поголовном истреблении чуди не может быть и речи. В 1864 году были опубликованы "Списки населенных мест Российской империи". Основываясь на сведениях, собранных Императорской Академией наук через архангельских приходских священников, можно утверждать, что во второй половине XIX века чудь

¹ Ефименко П. С. Заволоцкая чудь. — Архангельск, 1869. — С. 9—10.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера... — С. 67.

³ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная... — С. 212.

еще существовала. В смешанном составе с русским населением она проживала в Архангельском, Холмогорском и Пинежском уездах. А в деревнях, расположенных вниз по течению реки Бояр-Курой (Анцифириховской, Вахромеевской, Расходовской, Березинской, Обуховской, Нижнематигорской, Демидовской, Тюмшенской), чудь селилась обособленно¹.

Не только многочисленность славянского населения, пришедшего в Заволочье, но и культурное его превосходство обеспечило быструю победу русской культуры и русского языка и поглощение разрозненных немногочисленных чудских групп и прежде всего заволочской чуди.

Заволочская чудь, конечно, не исчезла бесследно, но была очень рано ассимилирована. Объясняется это тем, что плотность населения Севера до прихода сюда русских была очень низкой.

Чудские "печища" (так на Русском Севере называют исчезнувшие поселения) были распространены по всему Заволочью и Двинской земле. Важно помнить, что уже к XVII веку в некоторых местах чудь исчезла, ассимилировалась, а о том, что прежде она жила здесь, напоминали лишь печища да передаваемые из поколения в поколение предания. Крупный исследователь истории Русского Севера М. М. Богословский в своей фундаментальной работе о земском самоуправлении приводит такую запись из документа 1650 года: "Сыскались... на речке на Анданге, на суземе, на черном лесу чудские печища, и лесом, государь, те чудские печища поросли большим, обойми дерево, по полутора, и по два и больше"².

¹ Списки населенных мест Российской империи — Т. 1. — Архангельская губерния. — СПб., 1864. — С. 17.

² Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — Т. 1. — С. 1.

Какие именно финские племена новгородцы называли заволочской чудью? На этот вопрос даются самые разные ответы. Финские языковеды и этнографы А. Й. Шёгрэн и М. А. Кастрен отождествляют заволочскую чудь с народностью *емь*. Финский археолог Э. А. Европеус и российский этнограф П. С. Ефименко — с *югрой*, филолог К. Ф. Тиандер — с *карелами*. По мнению Д. В. Бубриха, восточная группа племен *веси* — чудь заволочская — может быть отождествлена с легендарными биармийцами. "Заволочская чудь — нечто, созерцаемое со стороны западного и юго-западного входов в Заволочье, а *Vjagmaland, Veomas* — то же самое, созерцаемое со стороны Белого моря", — пишет ученый. Он считал, что заволочская чудь исчезла очень рано, растворившись в массе русских переселенцев¹.

Свыше 170 лет тому назад знаменитый русский лингвист А. Х. Востоков поставил перед учеными задачу, над которой трудились исследователи ряда поколений и которая не решена до сих пор. В своей небольшой заметке "Задача любителям этимологии" он предложил тщательно изучить названия местностей, чтобы узнать, "какие племена в России первобытно жительствоваали"². Поэтому не случайно, что первыми исследователями топонимики Русского Севера были замечательные ученые-финноугроведы XIX века А. Й. Шёгрэн и М. А. Кастрен. Академик А. Й. Шёгрэн сделал вывод о том, что на Севере до прихода русских жили различные финские племена: саамы, карелы, пермь³. Так появилась

¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа... — С. 28.

² Востоков А. Х. Задача любителям этимологии // Санктпетербургский вестник. — 1812. — № 2. — С. 204—215.

³ Матвеев А. К. Из истории изучения субстрактной топонимики Русского Севера // Ученые записки Уральского госуниверситета. — 1971. — Вып. 18. — № 114. — С. 7—10.

"финская гипотеза" о происхождении дорусских географических названий Севера. Финский ученый Д. П. Европеус высказал противоположное мнение о том, что "народ, вытесненный русскими из средней и северной России, были не финны, а угры, происходившие из одной с ними семьи, но значительно разнившиеся от них по языку и по ряду антропологических признаков"¹.

В 1930-е годы дискуссия ученых о дорусском населении Севера приобрела острую политическую окраску. Анализу этой дискуссии посвящена работа Н. И. Ульянова, который позднее стал крупным историком зарубежья². В 30-е годы Николай Иванович Ульянов работал преподавателем в Архангельском педагогическом институте³.

Профессор В. В. Пименов считает, что начальное проникновение вези в некоторые районы Заволочья произошло не позднее VIII—IX веков. В средневековую эпоху чудь "не представляла собой единого этнического массива, а жила небольшими гнездами, тяготевшими к водным путям сообщения"⁴. Он полагает, что до появления славян территория была пустынной и на ней могли проживать лишь редкие группы кочующих саамов.

Оригинальную этнолингвистическую концепцию развития и смены языковых общностей на основе изучения топонимики предложил крупнейший специалист в этой сфере А. К. Матвеев. Им выделен мощный пласт гидронимов с окончанием на "-ньга", "-еньга". В основном

¹ Европеус Д. П. К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России до славян // Журнал Министерства народного просвещения. — 1868. — 3. — С. 57.

² Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми. — М—Л., 1932. — С. 3—42.

³ Юшкин Ю. Н. И. Ульянов // Образ: журнал писателей Православной России. — 1996. — № 2(6). — С. 45—46.

⁴ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М—Л., 1965. — С. 164.

эти названия концентрируются в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоной,— там, где проживала чужь заволочская. Ее язык, отнесенный А. К. Матвеевым к особой севернофинской группе языков древних племен, значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков, занимая "как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками"¹.

По наблюдению того же автора, этнолингвистическая картина осложнена наличием в некоторых районах Заволочья еще одного топонимического пласта, перекрывающего севернофинский и предшествующего распространению здесь русских названий. Об этом свидетельствуют материалы микротопонимики (названия населенных пунктов и урочищ), образующие локальные, но плотные ареалы топонимов прибалтийско-финского происхождения. Их появление связывается с последующим проникновением в Заволочье карело-финских групп, среди которых, возможно, были и "племена, говорившие на языках, промежуточных между карельским и вепским, или вообще на неизвестных ныне прибалтийско-финских языках"². Предполагается, что расселение разных этнических групп прибалтийских финнов в восточном направлении происходило незадолго до русской колонизации, хотя новопоселенцы и успели создать на Севере свою специфическую топонимию. Очевидно, эти группы осваивали относительно небольшие участки территории, оседая отдельными гнездами.

Несмотря на значительные различия в оценке языковой и этнической принадлежности дорусского населения

¹ Матвеев А. К. К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. — М—Л., 1964. — С. 191.

² Матвеев А. К. Субстрактная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. — 1964. — № 2. — С. 83.

Заволочья, основной вывод о его родстве или, по крайней мере, близости к прибалтийским финнам разделяют почти все современные исследователи. Ученые не исключают присутствия в этом регионе иных этнических групп: саамов, волжских финнов и древних пермян¹.

Для нас очень важными являются археологические данные о чуди заволочской. Первые находки средневековых древностей в западной части Подвинья были сделаны еще в конце прошлого столетия, но они, по существу, не были учтены историками. Не привлекли должного внимания и материалы чудских могильников, раскопки которых были произведены в двадцатые годы Н. А. Черницыным².

Только в последние десятилетия начались серьезные археологические исследования. Ленинградский археолог Е. А. Рябинин посвятил находкам в бассейне реки Кокшеньги обстоятельную статью, в которой отмечает, что "средневековые древности Кокшеньги принадлежат одному из мелких подразделений летописной чуди заволочской, археологически крайне слабо изученной"³.

На средней Ваге были исследованы захоронения в небольших бревенчатых срубках, помещенных в ямы на глубину около метра. Такие срубы, своеобразные "домики мертвых", очевидно, и обусловили возникновение преданий о вымершем чудском народе, некогда жившем в землянках ("чудь в землю ушла"; "чудь под землю пропала"; "чудь живьем закопалась" и т. д.)⁴.

¹ Рябинин Е. А. Чудь заволочская... — С. 23.

² Там же. — С. 25.

³ Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья // Советская археология. — 1981. — № 3. — С. 70.

⁴ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской // Советская археология. — 1984. — № 4. — С. 197—216; Голубева Л. А. Чудь заволочская: Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1987. — С. 64—66.

Связи Заволочья с Русью археологически засвидетельствованы уже материалами наиболее ранних чудских памятников XI — начала XII веков. На первом этапе они выражались в проникновении в Подвинье славяно-русских изделий: украшений, орудий труда, бытового инвентаря, использовавшихся в качестве эквивалента в пушной торговле. Примерно с конца XII — начала XIII веков наблюдаются явления, уже не сводимые только к сбору дани и дальней торговле. Именно к этому времени относится появление в чудских погребениях древнерусской гончарной керамики, бытующей наряду с местными сосудами ручной лепки¹.

Тем не менее, сегодня можно констатировать, что археологические материалы, документирующие начальный процесс древнерусского освоения края, этнокультуру заволочской чуди, незначительны. Только всесторонние исследования по археологии, этнографии, фольклору, лингвистике и антропологии могут дать исчерпывающие ответы на вопрос о том, что же представляла собой чадь заволочская и чадь белоглазая.

¹ Рябинин Е. А. Чудь заволочская... — С. 28.